

УДК 821.111(73)

КОНЦЕПЦИЯ «PERIPLUM» В ТВОРЧЕСТВЕ Э. ПАУНДА

канд. филол. наук, доц. Н.В. НЕСТЕР
(Полоцкий государственный университет)
n.nester@psu.by

Рассматривается концепция «*periplum*» в творчестве американского поэта Эзры Паунда. Паундовский неологизм «*periplum*» используется в эпической поэме «Кантос» (*Cantos*, 1915 – 1962) и является определяющим для всего паундовского творчества. Впервые упомянув данное слово в «Азбуке чтения» (*ABC of Reading*, 1934), Паунд как бы задал тон всему последующему творческому пути, определив его как «путешествие вокруг». Мотив плавания за знанием, морского путешествия, странствия, «*periplum*» – один из ключевых в «Кантос», а образ Одиссея, который проходит через все песни «Кантос», становится связующим звеном для различных тем поэмы.

Ключевые слова: *periplum*, морское путешествие, странствие, плавание за знанием, Одиссей, маска.

Введение. В творчестве Эзры Паунда встречается слово греческого происхождения, переданное буквами латинского алфавита – «*periplum*» (περί – «вокруг, около» и πλόος, от атт. сокращенно πλοῦς (πλέω) – «плавание», «морское путешествие»; «время, удобное для плавания»; «попутный ветер») [2, с. 1014]; περί-πλοος, от ион. περίπλοος, от – «плавание кругом», «объезд на корабле» [2, с. 987]. Латинское слово *periplus*, *i m* имеет то же значение, что и слово греческого происхождения, – «плавание вдоль берегов», т.е. «описание такого путешествия» [3, с. 571]. В Оксфордском словаре объясняется, что неологизм «*periplum*», предложенный Паундом, впервые был использован американским поэтом в 1940-м году [11].

Паунд использует данное существительное в форме винительного падежа единственного числа – «*periplum*», выражающую игру слов «*peri*» – «окружность» и «*plum*» – «центр», «таким образом подчеркивая собственную практику в «*Cantos*», которая представляет собой «плавание за знанием», чтобы выявить и зафиксировать центр ценностей сквозь спектр человеческой истории»¹ (Перевод наш. – Н.Н.). А.В. Бронников отмечает, что «Кантос» – это эпический поход, «*periplum*», в котором место дантовских подземелий и гомеровских морей занимает история. История всего человечества. Ее безбрежный и бездонный океан плещется за стенами библиотек и архивов, в старинных фолиантах на книжных полках. Через эти моря отправляется поэт, и все, что он собирает по пути на свой корабль по имени «Кантос», навсегда покидает темные бездны времени, обретая новую жизнь и новую вечность, потому что там, где говорят на языках богов, времени нет. Увиденные сквозь призму поэтического слова, мир и история предстают обновленными. И не только в воображении. Ведь мир и в самом деле немного меняется с каждой новой поэтической строчкой» [1, с. П].

По мнению Я. Пробштейна, в «*Cantos*» («Песнях», как известно, такое название дано главам «Илиады» и «Одиссеи» Гомера и «Божественной комедии» Данте), книге стихов, эпических по размаху, лирико-философских по форме, он пытался объять всю мировую культуру, историю и цивилизацию с древнейших времен до современности, перемежая цитаты из Гомера, древнекитайской поэзии и поэзии трубадуров. Культура для Паунда – своего рода форма времени: время, материализовавшееся в культурное пространство. Он с такой же увлеченностью пишет статьи о поэзии трубадуров, Арнауте Даниэле, Гвидо Кавальканти, эпохе Возрождения, французских символистах, как и о творчестве своих современников – Джойсе, Элиоте и Фросте и многих других. В статье «Первые переводчики Гомера» он последовательно и основательно разбирает переводы из Гомера на английский, французский, латынь, а в «*Cantos*», ставшей впоследствии первой, «остраивает» «Песнь XI» «Одиссеи», в конце обращаясь к Андреа Диву и Георгию Дартоне (Критянину), переводчикам Гомера на латынь» [6, с. 43].

Таким образом, в творчестве Эзры Паунда «*periplum*» предстает неким маяком, освещающим путь читателям-путешественникам, находящимся в поиске того самого знания, которое заложил в текст поэт. Несомненным является тот факт (это подтверждается значением самого слова), что речь идет именно о морском путешествии, т.е. своеобразном плавании внутри самого текста и поиске смысла «*periplum*».

Основная часть. Впервые Паунд упоминает слово «*periplum*» в книге «Азбука чтения» (*ABC of Reading*, 1934), в которой описывает географию гомеровской «Одиссеи» как «точную географию; не того, что вы не нашли, если бы у вас был учебник по географии или карта, но как это было бы во время «*periplum*», т.е. как его мог найти моряк,двигающийся по инерции»² (Перевод наш. – Н.Н.). Таким обра-

¹ «thus signaling his practice in *The Cantos*, which is a «sailing after knowledge» to discover and record the center of values across the spectrum of human history» [14, p. 215].

² «correct geography; not as you would find it if you had a geography book and a map, but as it would be in «*periplum*», that is, as a coasting sailor would find it»² [10, p. 43–44].

зом, поэт хочет подчеркнуть, что гомеровская география воспринимается с точки зрения моряка, который находится в состоянии постоянного «*periplum*». В таком случае читатель становится непосредственным участником тех событий, которые описывает Гомер, перемещаясь на корабль Одиссея, наделяется автором способностью воочию лицезреть все то, что доступно лишь гомеровскому герою.

Рассказывая о последних днях поэта, который последние годы своей жизни провел в Венеции, А.В. Бронников отмечает, что «город, из которого Паунд пришел в европейскую и мировую поэзию, стал городом, откуда он отправился дальше, и никому не дано знать, где и когда закончится этот *periplum*, это вечное странствие Одиссея» [1, с. LI]. Таким образом, исследователь подводит итог творчеству поэта, считая его творческий путь не чем иным как странствием. Данное слово фигурирует и в комментарии А. Ходановича к белорусским переводам первых двух «Кантос», выполненных М. Бояриным, – «Замест Гамера: *περίπλους* вакол Паўнда (заўвагі да пачатку беларускага перакладу «Песняў»)» [4, с. 170]. Исследование паундовского творчества – это своеобразное странствие по бесчисленному количеству мифологических и исторических источников, т.к. автор требует от читателя энциклопедических знаний, чтобы быть способным воспринимать созданный им текст и погружаться в него, получая сведения из различных областей знаний.

Необходимо также понимать, что существование «*periplum*» в паундовском тексте невозможно без использования поэтом таких авторских приемов, как «маска» и «идеограмматический метод». Принцип маски помогает Паунду перевоплотиться в Одиссея и быть им, от его имени описывать происходящие события, изменять ход истории, как в «Песне I». Следует также отметить, что сошествие Одиссея в царство мертвых является темой «Песни I», пересказывающей сюжет XI песни гомеровского эпоса. А.В. Бронников отмечает, что «этот текст неслучайно открывает «Кантос». Отсюда, как из зерна, вырастают многие линии этого произведения. Во-первых, это мотив странствий, *periplum*. И это не просто путешествие, а поход за сокровенным знанием. Носитель знания в гомеровском сюжете – дух Тиресия, прорицателя из Фив. За знанием надо идти к мертвым. Привлеченные жертвенной кровью, духи прошлого отдают знание живущим. Это не только иллюстрация механизма культурной памяти, но, собственно, и описание поэтического метода Паунда, основанного на заимствовании и переработке старых сюжетов и образов – вливании «свежей крови» в полузабытые истории» [1, с. 703]. Следует учитывать и тот факт, что текст «Песни I» создавался не на основе оригинального текста гомеровской «Одиссеи», а представляет собой переложение латинского перевода «Одиссеи», выполненного в XVI веке Андреасом Дивусом. Х. Кеннер отмечает, что «*periplum* – путешествие открытий среди фактов, чьим инструментом является идеограмма, повсюду контрастирующая с условностями и искусственностями вида птичьего полета, предоставляемого картой. Формы выходят за рамки фактов. Они не заменяют факты»³ (Перевод наш. – Н.Н.).

В «Песне XXXIX» Паунд обращается к мотиву странствий Одиссея и его встрече с Цирцеей, объединяя мистику эроса и продолжения рода с мотивами культовой инициации и нисхождения в Аид. Я. Пробштейн пишет: «Любопытно, что в этой «Песне» движение в пространстве ограничено неким кругом: Одиссей и его спутники покидают Цирцею и вновь возвращаются к ней (а Паунд возвращается к пребыванию Одиссея у Цирцеи в «Canto XXXIX»). Этим как бы подчеркивается, что главное событие – это схождение Одиссея в мир теней, в Аид, пророчества Тиресия и то, что было после – спустя столетия и вечно – странствия «Одиссеи» сквозь века» [6, с. 43].

«Песня XLVII» начинается словами Цирцеи, напутствующей Одиссея на встречу с Тиресием в Аиде:

Тебе предстоит отправиться в ад, вниз по этой дороге
сквозь завесы и тьмы – к Прозерпине, Церериной дочери.
Там, в чертогах ее, ты повстречаешь Тиресия, –
был слепцом он, стал тенью в аду, но тень эта знает столько,
сколько знать не дано мужам во плоти.
Знание – тень от тени,
Но за ним надо плыть,
зная меньше, чем опоенные зельем звери⁴ [7, с. 220].

В этих строках находит воплощение замысел паундовского «*periplum*» – плавания за знанием, поиска знания, а также обретение смысла и собственного пути.

«Песня XCV» основывается на пятой песне «Одиссеи», в которой буря разрушает плот, и Одиссею приходится вплавь выбираться на берег:

³ «The *periplum*, the voyage of discovery among facts, whose tool is the ideogram, is everywhere contrasted with the conventions and artificialities of the bird's-eye view afforded by the map. Forms grow out of data. They are not to be imposed upon data»³ [10, p. 251].

⁴ «First must thou go the road / to hell / And to the bower of Ceres' daughter Proserpine, / Through overhanging dark, to see Tiresias, / Eyeless that was, a shade, that is in hell / So full of knowing that the beefy men know less than he, / Ere thou come to thy road's end / Knowledge the shade of a shade, / Yet must thou sail after knowledge / Knowing less than drugged beasts...» [13, p. 236].

Ударила волна, и закружило плот, и вырвало
 весло из рук его,
 и разломилась мачта с реей,
 И увлекло его под волны.
 Нот и Борей носились где-то сверху,
 все колыхалось,
 как куст чертополоха,
 и Левкотея сжалилась над ним –
 она сама была недавно смертной
 (теперь морской богиней стала):
 «Тебе же предстоит
 достичь страны феаков, γαίης Φαιήκων...»⁵ [7, с. 590].

Я. Пробштейн отмечает, что «собственно, вся приводимая песнь является развернутой метафорой путешествия и труда как обретения знания, здесь также прослеживается идея своего рода оправдания истории, что замечали многие исследователи творчества Паунда» [8].

Следует отметить, что за основу «Песни XL» взята рукопись путешествия карфагенского политического деятеля, полководца и морехода V в. до н.э. Ганнона («Hannonis periplus»), который с целью основания карфагенских колоний предпринял плавание вдоль западного побережья Африки. Если первая часть песни представляет собой periplus по экономике, то во вторую часть данной песни Паунд включает перевод рукописи Ганнона.

Мотив «periplus» сопровождает не только творческий, но и жизненный путь Паунда. Поэт на протяжении всей жизни путешествовал с целью поиска себя, вдохновения, новых открытий. Мотив странствия и возвращения, положенный в основу гомеровской «Одиссеи», трансформируется у Паунда в затянувшийся процесс. Все усилия гомеровского героя направлены на возвращение домой, и никакие соблазны, посылаемые ему в качестве испытаний и принимаемые как благо, не могут убедить Одиссея остаться на одном месте. Конечной целью путешествия ему видится остров Итака, где ждут его самые близкие и родные ему люди – супруга Пенелопа и сын Телемах. В отличие от Одиссея, Паунд не стремится вернуться в начальную точку отсчета, т.к. родина никогда не привлекала поэта так, как гомеровского героя. Он совершил достаточно много путешествий по Европе, какое-то время жил в Лондоне и Париже, последние годы его жизни прошли в Венеции. Воспоминания о европейских поездках найдут воплощение в эпической поэме «Кантос». Слово «periplus» используется в поэме много раз, однако чаще всего в «Пизанских песнях» (*The Pisan Cantos, LXXIV – LXXXIV*), опубликованных в 1948 году. А.В. Бронников отмечает, что «у Паунда это, как правило, морское путешествие у неизвестных берегов, полное приключений странствие, подобное странствиям Одиссея». В «Пизанских песнях» periplus приобретает смысл «пути человека, дао» [7, с. 700].

Слово «periplus», которое постоянно повторяется в «Пизанских песнях», объясняется поэтом в «Песне LIX». В данном фрагменте в слове «periplus» утверждается превосходство «физического» знания перед чтением карт и книг: «Periplus, не так, как земля выглядит на карте, / а как берег моря видится плывущим под парусами человеком»⁶ (Перевод наш. – Н.Н.). По отношению к данной «Песне» составитель «Справочника к «Кантос» Эзры Паунда» отмечает, что «periplus: греч. «кругосветное плавание». Используется Паундом в объектном падеже как прибрежное путешествие»⁷ (Перевод наш. – Н.Н.). Тем не менее это не обесценивает знания, приобретенные человеком посредством книг и карт, но делает ничтожными по сравнению с тем, что изведено человеком лично. А.В. Бронников отмечает, что «взгляд картографа отличен от видения мира изнутри него самого, глазами путешественника. Именно так, «изнутри», Паунд воспринимает историческую реальность. История в «Кантос» предстает не научной абстракцией, а суммой конкретного опыта, приобретенного и сохраненного человеком» [7, с. 700].

Поэт использует данный термин для обозначения путешествия и странствия, как в «Песне LXXIV»: «Великий «periplus» приносит звезды к нашему острову»⁸ (Перевод наш. – Н.Н.). В данном случае под «great periplus» подразумевается ежедневное путешествие, совершаемое богом Солнца, Гелиосом. Так, в «Песне LXXVI» содержится одна из очевидных отсылок к богу Солнца Гелиосу и его временное путешествие: «и говорят: в великом своем походе солнце / ведет весь флот сюда, periplus, / sotto de nostre scogli / под эти скалы стройные / как мачты»⁹ [7, с. 418]. При этом и в «Песне LXXIV», и в «Песне LXXXII» periplus имеет отношение к планетной системе и естественному порядку ветров и материальной гармонии вселенной.

Следует отметить, что «Престолы» (*Throni*, 1959) начинаются с фрагмента, которым заканчивается предыдущий раздел «Рок-Дрилл» (*Rock-Drill De Los Cantares*, 1955). Так, в «Песне XCVI» рассказывает-

⁵ «That the wave crashed, whirling the raft, then / Tearing the oar from his hand, / broke mast and yard-arm / And he was drawn down under wave, / The wind tossing, / Notus, Boreas, / as it were thistle-down / Then Leucothea had pity, / «mortal once / Who now is a sea-god / νόστου γαίης Φαιήκων...» [13, p. 647].

⁶ «Periplus, not as land looks on a map / But as sea bord seen by men sailing»⁶ [13, p. 324].

⁷ «periplus: Н, «circumnavigation». Used by Pound in objective case as a coastal voyage» [9, p. 251].

⁸ «The great periplus brings in the stars to our shore» [13, p. 425].

⁹ «the sun in his great periplus / leads in his fleet here, / sotto de nostre scogli / under our craggy cliffs / alevel their mast tops» [13, p. 452].

ся о том, что Одиссей остается один на плоту в разбушевавшемся море и его спасает волшебное покрывало Левкотей. Однако поиск пророчества, за которым Одиссей отправляется в подземное царство, приводит его к мысли, что все, за чем он направлялся, находится в его разуме. Х. Кеннер отмечает, что «вещи, несопоставимые в пространстве и времени, объединяются получающим опыт разумом. Поэт как маска Одиссея гораздо сильнее, в особенности, Одиссей на своем плоту, после кораблекрушения, направляемый ветром»¹⁰ (Перевод наш. – Н.Н.).

Слово «*periplum*» рассчитано Паундом на его использование только в эпической поэме, при этом совсем необязательно, чтобы оно упоминалось в тексте, «*periplum*» может подразумеваться, либо упоминаться поэтом, как правило, в начале или конце песни. Избавляясь от данного слова при переводе паундовского текста, значит терять нить повествования и тот смысл, который вкладывает в собственное произведение сам поэт.

Заключение. Паундовский неологизм «*periplum*» является определяющим для всего творчества американского поэта, а в самом слове «*periplum*» воплощается мотив странствия, «плавания за знанием». «*Periplum*» употребляется в творчестве Эзры Паунда в нескольких значениях: во-первых, это превосходство физического знания перед книжным, т.е. знание, приобретенное посредством личного опыта человека, полученное им в результате собственных наблюдений; во-вторых, данный термин характеризует восстанавливающуюся западную культуру. Я. Пробштейн отмечает, что «странствие, причем не в пространстве, а во времени, в истории – не лейтмотив «*Cantos*», но их поэтический мотив: совокупность основной темы, отношения личности художника к действительности, «поэтически понятого», то есть не имитация реальности, но создание особой, поэтической, художественной реальности. Личность художника, его отношение к пространству и времени, а если шире – к бытию, является, на наш взгляд, доминантным признаком поэтического мотива» [6, с. 44]. В «Песнях» Паунд выводит идеального героя, который стремится за знанием, поэтому и обращается к гомеровской «Одиссее», при этом образ Одиссея, который проходит через все песни «Кантос», связывает различные темы поэмы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бронников, А.В. Эзра Паунд и его «Кантос» / А.В. Бронников // Эзра Паунд. Кантос / пер., вступ. ст. и комм. А.В. Бронникова. – СПб. : Наука, 2018. – С. I–LX.
2. Вейсман, А.Д. Греческо-русский словарь : репринт V-го изд. 1899 г. / А.Д. Вейсман. – М. : Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 1991. – 1370 с.
3. Дворецкий, И.Х. Латинско-русский словарь / И.Х. Дворецкий. – 10-е изд., стереотип. – М. : Рус. яз. ; Медиа, 2006. – 843, [5] с.
4. Ён. Эзра Паунд // Крыніца. – 2000. – № 4–5, (59). – С. 136–177.
5. Паунд, Э. Стихотворения и избранные *Cantos* / Э. Паунд. – СПб. : Владимир Даль, 2003. – 887 с.
6. Пробштейн, Я. Вечный бунтарь / Я. Пробштейн // Эзра Паунд. Стихотворения и избранные *Cantos*. – СПб. : Владимир Даль, 2003. – С. 17–57.
7. Эзра Паунд. Кантос / пер., вступ. ст. и комм. А.В. Бронникова. – СПб. : Наука, 2018. – LX, 881 с.
8. Эзра Паунд. Плавание за знанием: *santo XLVII* / Перевод с английского, предисловие и примечания Яна Пробштейна. [Электронный ресурс] // Новый мир. – 2015. – № 4. – Режим доступа: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2015/4/9pr-pr.html. – Дата доступа: 10.06.2018.
9. A Companion to the *Cantos* of Ezra Pound by Carroll F. Terrell / Published in Cooperation with The National Poetry Foundation University of Maine at Orono, Orono, Maine. – Berkeley. Los Angeles; London: University of California Press, 1980. – 362 p.
10. Kenner, H. The Poetry of Ezra Pound / H. Kenner. – Lincoln ; London : University of Nebraska Press, 1985. – 342 p.
11. *Periplum* [Electronic resource]. – Mode of access: <https://en.oxforddictionaries.com/definition/periplum>. – Date of access: 10.05.2018.
12. Pound, E. The ABC of Reading / E. Pound. – London ; Boston : Faber&Faber, 1991. – 206 p.
13. The *Cantos* of Ezra Pound. – London : Faber&Faber, 1975. – 803 p.
14. The Ezra Pound encyclopedia / edited by Demetres P. Tryphonopolous and Stephen J. Adams. – Westport, Connecticut ; London : Greenwood Press, 2005. – 363 p.

Поступила 20.06.2018

THE CONCEPT OF «PERIPLUM» IN THE EZRA POUND'S WORKS

N. NESTSER

Considered the concept of «periplum» in the works of the American poet Ezra Pound (1885 – 1972). Pound's neologism «periplum» is used in the epic poem «Cantos» (1915 – 1962) and is decisive for all Pound's creativity. First mentioning this word in the ABC of Reading (1934), Pound seemed to set the tone for the whole subsequent creative path, defining it as a «circumnavigation». The motive of sailing after knowledge, sea voyage, travelling, periplum is one of the key in «Cantos», and the image of Odysseus, which passes through all the songs of «Cantos», becomes a link for various themes of the poem.

Keywords: *periplum, sea voyage, travelling, sailing after knowledge, Odyssey, mask.*

10 «Things disparate in space and time are united by the experiencing mind. The poet-as-Odysseus persona strong once more, specifically Odysseus on his raft, after shipwreck, driven 'as the winds veer'» [10, p. 328].